

Юлия Борисовна ТУРУШЕВА / Yulia TURUSHEVA

| Автобиография: мир, в котором я мог бы жить / Autobiography: the World Where I Could Live |

Юлия Борисовна ТУРУШЕВА / Yulia TURUSHEVA

*Институт психологии Российской академии образования, Москва, Россия
Аспирант**Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia
PhD Student
turusheva.yulia@gmail.com***АВТОБИОГРАФИЯ: МИР, В КОТОРОМ Я МОГ БЫ ЖИТЬ**

В статье рассматривается автобиографический нарратив как особая форма рефлексии, позволяющая извлечь смысл из опыта, определить и транслировать свое понимание бытия-в-мире в общекультурное поле. Автобиография предстает как область взаимодействия глубоко личного, субъективного и общественного, культурно-исторического. Анализируются понятия смысла и события как ключевые для понимания феномена автобиографии. Показывается, что статус события субъект придает опыту именно посредством нарративизации. Утверждается, что автобиографический нарратив может составлять некоторую оппозицию устоявшимся, закрепленным в культуре формам понимания действительности и благодаря своей способности к конструированию и трансляции смысла оказывать влияние на культурные каноны.

Ключевые слова: автобиография, автобиографический нарратив, личностный смысл, событие, опыт, рефлексия.

AUTOBIOGRAPHY: THE WORLD WHERE I COULD LIVE

The article touches upon the autobiographical narrative as a special form of reflection, which makes it possible to extract meaning from experience, to define and translate one's understanding of being-in-the-world into a general cultural field. Autobiography is considered as the interaction of a deeply personal, subjective and social, cultural and historical. The concepts of meaning and events are analyzed as key to understanding the phenomenon of autobiography. It is shown that the subject gives experience the status of the event through narration. It is argued that an autobiographical narrative can amount to some opposition to established forms of understanding reality and, through its ability to construct and translate meaning, influence cultural canons.

Key words: autobiography, autobiographical narrative, personal meaning, event, experience, reflection.

Юлия Борисовна ТУРУШЕВА / Yulia TURUSHEVA

| Автобиография: мир, в котором я мог бы жить / Autobiography: the World Where I Could Live |

«Вся проблема человеческой жизни и реализации человеком себя, та проблема, которая лежит в основе философии, состоит в акте, которым мы можем найти себе место в мире с тем сознанием, какое имеем»

М.К. Мамардашвили¹

Рассказ человека о себе и своей жизни всегда привлекал внимание исследователей в области гуманитарных наук. Очевидно, что для историков, социологов, культурологов, психологов, этнографов, лингвистов биографии и автобиографии являются богатейшим исследовательским материалом. Каждая из дисциплин находила в них что-то свое, открывая и исследуя интересующие только ее феномены. Практически все они столкнулись при этом с проблемами методологического плана: наука не находила инструментов, позволяющих изучать биографии, соблюдая каноны позитивистской эпистемологии. Вероятно, поэтому, исчерпав возможности для развития, изучение биографий почти на пол века покинуло авансцену науки. Сегодня, по ряду причин (бурное развитие качественной методологии, постмодернистский интерес к дискурсу, становление междисциплинарных подходов), биография переживает триумфальное возвращение.

Если появление жанра рассказа (или, используя научный термин, – нарратива) уходит корнями в глубокое прошлое: «рассказывание – в почти необозримом разнообразии своих форм – существует повсюду, во все времена, в любом обществе; рассказывать начали вместе с началом самой человеческой истории; нет, никогда и нигде не бы-

ло народа, который не умел бы рассказывать»², то жанр автобиографии, использующий преимущественно нарративные формы, появляется в культуре довольно поздно. Точнее лишь в тот момент, когда человек получает свободу самоопределения, когда его жизненный путь уже не полностью предопределен социумом, а значит требует личностного вклада, реализации уникального взгляда на цели и ценности существования. Примечательно, что о жанре биографии можно говорить значительно раньше (античные образцы, начиная с Плутарха или средневековые жития святых), однако автобиографии светских людей возникают лишь в период Возрождения, начиная примерно с XVI века, только когда, по мнению Ч.Тейлора³, впервые могли появиться представления об идентичности. До этого момента общество формировало для человека довольно ясную картину мира: он хорошо понимал кто он, к какому сословию принадлежит, каковы его жизненные обязанности, каков его жизненный путь, выход за рамки предписанной судьбы был практически невозможен. Проблематичность, недоопределенность, множественность, подвижность идентичности потребовали от человека активного «поиска себя» и своего места в мире. Автобиографии во многом стали теми культурными формами, посредством которых «осознаются и представляются индивидуальное призвание, самореализация личности, ее успех или крах»⁴ и в которых «находит отражение понимание "себя в мире" и "мира в себе"»⁵.

Независимо от того, что послужит «биографическим импульсом» (мотивация для воспо-

² Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 196.

³ Taylor C. Sources of the Self: The Making of Modern Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.

⁴ Дубин Б.В. Обращенный взгляд / Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 100–119.

⁵ Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры / Вопросы литературы, 1, 1999. С. 35.

¹ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института: Журнал «Нева», 1997. С. 246.

Юлия Борисовна ТУРУШЕВА / Yulia TURUSHEVA

| Автобиография: мир, в котором я мог бы жить / Autobiography: the World Where I Could Live |

минаний о своем прошлом может быть весьма различной), во всех автобиографиях присутствует нечто общее, а именно «стремление личности запечатлеть опыт своего участия в историческом бытии»⁶. С одной стороны, речь идет об уникальном опыте субъекта, который и определяет его представления о себе и о мире, в котором он живет, с другой, – этот уникальный опыт всегда вписан в широкий социально-исторический контекст, под влиянием которого во многом и находится. Автобиография – это всегда баланс и тонкое взаимодействие глубоко личного, неповторимого, субъективного и общественно закрепленного, исторического, социально-культурного. Автобиографические «нарративы действуют как чрезвычайно изменчивые формы посредничества между личностными (с их специфической реальностью) и обобщенными канонами культуры»⁷.

При кажущейся простоте жанр автобиографии обладает рядом специфических и, возможно, не до конца проясненных наукой особенностей. В условиях, когда основные перспективы в этой области связаны с междисциплинарными исследованиями, стоит обратить внимание на некоторые из них.

Социальный конструкционизм убедительно показал, что мы не имеем прямого доступа к опыту субъекта. О реальных или воображаемых событиях нам всегда повествует нарратив – языковая форма, соблюдающая культурно закрепленные лингвистические каноны. Убежденность в том, что язык является «окном» в мир внутренних переживаний субъекта давно сменилась постмодернистской настороженностью и отношением к языку как к инструменту, посредством которого люди «создают» и самих себя, и реальность. Конечно, радикальные постмодернистские установки сейчас отчасти утратили влияние, а исследования, абсолютизирующие роль языка, постепенно уходят на

второй план. Однако исследования автобиографий, оставляющие за рамками проблемы языкового выражения и концентрирующиеся лишь на тематическом содержании, безусловно, упускают из вида значение и влияние дискурса.

Любая автобиография – это воспроизведение значимых для субъекта событий и установление смысловых связей между ними, а также с широким социокультурным контекстом. Таким образом, ключевым для понимания феномена автобиографии является понятие смысла, а одной из единиц анализа, безусловно, – событие. Смысл – категория весьма привлекательная для науки, обладающая огромным потенциалом, но и невероятно сложная, постоянно ускользающая от четких определений. В лингвистике, философии, психологии она трактуется по-разному, что создает значительные трудности для междисциплинарного взаимодействия. Более того, различное понимание смысла можно обнаружить и в многочисленных психологических теориях. В отечественной теории деятельности понятие личностного смысла выступает как характеристика отношений между субъектом и реальностью⁸. Потребность в обнаружении смысла, в таком случае, связана с жизненными, практическими задачами бытия в мире. Отсюда и основная задача автобиографии как инструмента поиска смысла жизни – найти свой способ существования, понять, как я-такой-как-я-есть могу существовать в этом мире или, возвращаясь к мысли М.К.Мамардашвили, вынесенной в эпиграф, «найти себе место в мире с тем сознанием, какое имеем».

Основным содержанием автобиографического нарратива является требующий осмысления значимый, уникальный опыт: «Нарративные практики рассказывания о случившемся суть механизмы формирования, хранения и ретрансляции событийного человеческого опыта»⁹. Категория собы-

⁶ Там же.⁷ Брокмайер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии, 2000. №3. С. 29-42.⁸ Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.⁹ Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. С.8.

Юлия Борисовна ТУРУШЕВА / Yulia TURUSHEVA

| Автобиография: мир, в котором я мог бы жить / Autobiography: the World Where I Could Live |

тия всегда привлекала внимание отечественных психологов. С.Л.Рубинштейн рассматривал событие в контексте его влияния на жизненный путь: «В ходе индивидуальной истории бывают и свои "события" – узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека»¹⁰. Позже Б.Г.Ананьев, развивая проблему, ввел понятие «значимых жизненных событий», составляющих, по его мнению, основное содержание субъективной картины жизненного пути и предположил, что, разбивая жизнь на связанные с событиями отрезки, человек придает ей внутреннюю периодизацию¹¹. Закономерным шагом в развитии представлений о событии стала мысль, что оно приобретает свой статус, когда субъект придает произошедшему смысл: «Некто должен придать особый смысл происходящему, чтобы событие случилось, произошло – и, в зависимости от того, кто именно станет субъектом, "автором" этого события, будет проявлен тот или иной семантический слой события»¹². Таким образом, событие было связано с проблемами осмысления и вербализации.

Интерес к категории события по-прежнему силен и в области теории литературы: «Событийность – это особый (нарративный) способ отношения человеческого сознания к бытию (альтернативный процессуальности и ритуальности), а событие – это нарративный статус некоторого отрезка жизни в нашем опыте. Ибо без нарративной (сингулярно-фрактальной) оформленности со стороны сознания ни о каких событиях невозможно помыслить, созерцая непрерывный поток происходящего вокруг нас»¹³. Таким образом, можно утверждать,

что статус «события» субъект придает опыту, извлекая смысл из пережитого при помощи рассказа о нем.

Очевидно, что автобиография – это один из видов рефлексии, однако, являясь языковым инструментом, она обладает рядом специфических особенностей. Рассказчик относится к материалу памяти селективно: соединяет разрозненные факты, отбрасывает ненужное, выстраивает параллели, собирает воспоминания, принадлежащие событиям разного времени в одно смысловое целое. Как и в любом другом, в автобиографическом тексте всегда присутствует своя архитектура: переклички одной части с другой, соответствия, симметрия. Смысловое целое создается в сложном процессе соединения разрозненных частей. «Само построение какой-то условной, воображаемой конструкции впервые придает логику тому, что ты разделенно видел в своей жизни... я имел в виду под текстом... какое-то явление, событие, которое строится для того, чтобы что-то впервые получило осмысленный вид»¹⁴. Л.Минк говорил в связи с этим о «конфигурационном понимании прошлого»¹⁵, подразумевая работу нарратива, которая соединяет различные элементы, стремясь к установлению максимального количества связей между ними, к предельной интеграции.

В многочисленных дискуссиях на тему автобиографических воспоминаний постоянно возникает проблема истинности (соответствия изложенных рассказчиком фактов реальным событиям). Безусловно, «некий фермент недоверия заложен в самом существе жанра»¹⁶ и дело не только в недобросовестности авторов. Например, в автобиографических воспоминаниях часто встречаются так называемые «временные ошибки», когда собы-

¹⁰ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989. Т. 2. С. 248.

¹¹ Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980. Т. 1.

¹² Паукова А.Б. К вопросу о взаимоотношении категорий «событие» и «смысл» // Московское научное обозрение, 2011. № 9. С. 64.

¹³ Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. С. 17.

¹⁴ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института: Журнал «Нева», 1997. С. 19.

¹⁵ Mink L.O. Historical Understanding. New York: Cornell University Press, 1987.

¹⁶ Гинзбург Л. О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, 2016.

Юлия Борисовна ТУРУШЕВА / Yulia TURUSHEVA

| Автобиография: мир, в котором я мог бы жить / Autobiography: the World Where I Could Live |

тия переставляются местами, неправильно оцениваются интервалы между ними или их протяженность¹⁷. Однако подобные ошибки правильнее было бы считать результатом придания разрозненным воспоминаниям необходимой для нарратива сюжетной формы. Сюжет стоит рассматривать не просто как композиционный прием, а как особую форму авторской рефлексии: «Сюжет представляет собой мощное средство осмысления жизни. Только в результате возникновения повествовательных форм искусства человек научился различать сюжетный аспект реальности, то есть расчленять непрерывный поток событий на некоторые дискретные единицы, соединять их с какими-либо значениями (то есть истолковывать семантически) и организовывать их в упорядоченные цепочки (истолковывать синтагматически)»¹⁸. С точки зрения психологии «выбор подлежащих оформлению фактов, есть уже творческий акт ... писатель, отбирая только нужные для него черты событий, сильнее всего перерабатывает и перестраивает жизненный материал»¹⁹. Таким образом, автобиографические неточности могут возникать в результате придания фактам смысловой конфигурации и этот аспект, возможно, стоит учитывать в некоторых типах автобиографических исследований.

Перед автобиографическим нарративом всегда стоит проблема «собрания себя», увязывания разрозненного, относящегося к разным периодам жизни опыта в единую, непротиворечивую картину и, таким образом, отказа от ситуативных смыслов конкретных ситуаций и выхода на более высокий уровень осмысления целого своей жизни. Хорошо известен так называемый «туннельный эффект» автобиографических воспо-

минаний: некоторые из них возникают намного позже, чем они зафиксированы в памяти. К тому же у взрослых такие воспоминания имеют гораздо большую полноту описания, чем это мог бы сделать ребенок, вскоре после того, как событие произошло²⁰. Автобиография – это возможность посмотреть на себя отстраненно, сквозь призму накопленного жизненного опыта, находясь за рамками и, следовательно, обретая некоторую свободу от случившегося.

Стоит обратить внимание на встречающуюся в автобиографиях связь между событиями, образующую своеобразную «смысловую арку», придающую повествованию некоторую симметричность или даже ритмичность: «Эпизоды прозы повторяются, как будто человек возвращается обратно по ступеням своей жизни. Вот эта повторяемость разноосмысливаемых эпизодов сближает так называемый сюжет с так называемыми рифмами»²¹. Осмысление значимого для представлений о себе события иногда происходит за счет рассмотрения его с новой точки зрения, на новом материале. Интересный в этом отношении пример приводит Дж.Брунер, цитируя одно из интервью: «Мои родители держали небольшой отель на окраине Мидлендса. Когда я родился, позвали акушера. Акушер, увидев, что у меня проблемы с дыханием, поднял меня за пятки, хлопнул по спине и сломал два ребра. Видите ли, у меня был остеопороз. Это весьма похоже на историю моей жизни: люди ломают мне кости из желания помочь». Далее Брунер отмечает: «Он никогда не возвращался к этому эпизоду и даже не использовал эти термины. Однако каждый поворотный момент его жизни... сохранил эту метафорическую тему: вред, исходя-

¹⁷ Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.

¹⁸ Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении / Лотман Избранные статьи. Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 242.

¹⁹ Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968.

²⁰ Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.

²¹ Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 103.

Юлия Борисовна ТУРУШЕВА / Yulia TURUSHEVA

| Автобиография: мир, в котором я мог бы жить / Autobiography: the World Where I Could Live |

ший из желаний других людей оказать ему помощь»²².

Особенность автобиографии как любого языкового средства в принципиальной ориентированности на Другого. По мысли М.К.Мамардашвили, придающего огромное значение тексту как инструменту осмысления опыта, мы нуждаемся в социальном пространстве для извлечения смысла: «опыт извлекается только на агоре, только публично. Там шар извлекаемого опыта должен покатыться и обрасти мясом и плотью – наша мысль нуждается в мускулах, и этот шар должен обрасти, покатывшись в резонансных отражениях»²³. Парадокс нарратива при этом заключается в том, что, с одной стороны, он должен быть понятен слушателям (т.е. основываться на некоторых разделяемых в обществе представлениях о жизни), но с другой, – обязательно должен содержать в себе нечто, идущее вразрез с ожиданиями.

По мнению Дж.Брунера, с одной стороны, с помощью автобиографического нарратива мы представляем себя другим как типичных представителей культуры. Наши мысли, действия, желания становятся понятны в рамках обыденных представлений, присущих тому обществу, в котором мы живем. С другой стороны, для подтверждения индивидуальности мы фокусируемся на том, что является исключительным. Требование рассказать что-нибудь интересное осуществляется через нарратив, в которой сталкивается каноническое и неканоническое. А интересным ее делает как раз то, что идет вразрез с ожидаемым или приводит к неожиданному результату²⁴. По сути на этой же мысли настаивал и Ю.М.Лотман. Бессюжетный текст, по его мнению, утверждает некоторое традиционное устойчивое мироустройство, он носит

классификационный характер. «Бессюжетная система первична и может быть воплощена в самостоятельном тексте. Сюжетная же – вторична и всегда представляет собой пласт, наложенный на основную бессюжетную структуру. При этом отношение между обоими пластами всегда конфликтное: именно то, невозможность чего утверждается бессюжетной структурой, составляет содержание сюжета. Сюжет – "революционный элемент" по отношению к "картине мира"»²⁵. В автобиографическом нарративе, таким образом, всегда есть нечто «особенное», составляющее оппозицию устоявшимся взглядам на мир. Показательно, что известный французский историк М.Ферро, размышляя о том, каким образом формируется понимание исторических событий, особое внимание обращал на индивидуальные воспоминания, считая, что часто они составляют оппозицию институциональной истории, отражающей политику и идеологию существующего государства: «Автономная и нетронутая, иногда проникающая внутрь господствующей официальной и преподаваемой детям истории, память выживает и остается весьма жизнеспособной, как бы та ее не отрицала»²⁶.

К особенностям автобиографической рефлексии следует отнести и то, что Й.Брокмайер называет «ретроспективной телеологией». По его мнению, нарратив таким образом организует события, словно в финале истории изначально находилась определенная цель, которой и надо было достичь²⁷. На этот эффект обращал внимание и М.К.Мамардашвили: «то, что случилось сейчас (если изобретена форма), как бы кристаллизует позади себя явления, процессы, предметы – в том смысле, что они становятся источником опыта. Это

²² Bruner J. Self-making and world-making. *Journal of Aesthetic Education*, 1991, 25(1), 67–78.

²³ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института: Журнал «Нева», 1997. С. 215.

²⁴ Bruner J. Self-making and world-making. *Journal of Aesthetic Education*, 1991, 25(1), 67–78.

²⁵ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14–285.

²⁶ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб 36,6, 2010. С. 414.

²⁷ Brockmeier J. From the end to the beginning. *Retrospective teleology in autobiography // Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture*. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 252.

Юлия Борисовна ТУРУШЕВА / Yulia TURUSHEVA

| Автобиография: мир, в котором я мог бы жить / Autobiography: the World Where I Could Live |

как бы ретроактивная или рекуррентная причинная связь. Кристаллизация себя произошла, и она сделала причинами то, что было перед этим, и теперь это – причины последующего»²⁸. Таким образом, автобиографический нарратив не только организует в целое отдельные события и факты, но формирует конструкцию, объясняющую эти связи: «Человеческая жизнь состоит из отдельных событий и действий, которые никуда не ведут, не обладают никаким порядком и никак не связаны друг с другом, тогда как любое повествование, любой нарратив предполагает как раз связанность, упорядоченность и определенную телеологию»²⁹. Д. А. Леонтьев обращал внимание на особенности трансформации смысла, которые происходят при его вербализации: смысл получает причинное объяснение³⁰. Именно причинное объяснение чаще всего формируется в автобиографическом нарративе: «Мы, несомненно, вправе предположить, что автобиографический рассказ всегда в той или иной мере руководствуется стремлением наделить описываемые события смыслом, выявить их причину, логические связи, одновременно обращенные в прошлое и в будущее, показать обоснованность и неизменность, устанавливая при этом ясные отношения, например, отношения следствия и причины между последовательными состояниями – этапами необходимого развития»³¹.

Крайне важно для понимания феномена автобиографии то, что «повествование, которое никогда не бывает этически нейтральным, оказывается первой лабораторией морального суждения»³². Рассказ о событиях своей жизни предполагает

утверждение системы ценностей рассказчика и ответную ценностную реакцию адресата. Весь арсенал языковых средств при этом нацелен на формирование общего горизонта, поэтому говорить о ценностном измерении автобиографии можно только как об интересубъективном пространстве. Любой автобиографический нарратив повествует о ценностях, однако, как правило, крайне редко их называет. И это следует считать закономерным. Негласный «договор» между рассказчиком и слушателем состоит в признании того, что «новое (уникальное, доселе невысказанное) может лежать в ином направлении, чем то, что начертано прогрессом в его общем понимании»³³. С этим и связана «неожиданность» рассказа, способного поставить под сомнение уже устоявшуюся систему смыслов как самого рассказчика, так и реципиента. Таким образом, автобиография способна «вбрасывать» новые смыслы, и, если они будут приняты, то закрепляются в культуре в качестве нормативных. Можно утверждать, что автобиография – это мощный инструмент развития и самообновления культуры.

Автобиография – не просто описание цепи событий, это картина мира рассказчика, его видение своего бытия-в-мире. Вопросы, поставленные в рассказах о своей жизни (а это всегда ценностные вопросы), актуальны не только для конкретного человека, но проблематизируют принципы мироустройства. «Этим раскрывается двойная природа художественной модели: отображая отдельное событие, она одновременно отображает и всю картину мира, рассказывая о трагической судьбе героини – повествует о трагичности мира в целом. Поэтому для нас так значим хороший или плохой конец: он свидетельствует не только о завершении того или иного сюжета, но и о конструкции мира в целом»³⁴.

²⁸ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института: Журнал «Нева», 1997. С. 451.

²⁹ Бродский А.И. Метафизика художественной формы. Доклад на семи цитатах // Мысль, вып. 14, 2013. С. 69.

³⁰ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.

³¹ Бурдые П. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 76.

³² Рикер П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. С. 172.

³³ Кундера М. Нарушенные завещания: Эссе. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 67.

³⁴ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14–285.

Юлия Борисовна ТУРУШЕВА / Yulia TURUSHEVA

| Автобиография: мир, в котором я мог бы жить / Autobiography: the World Where I Could Live |

Автобиографический нарратив выполняет важнейшую функцию осмысления нашего бытия в мире. Отграничивая и структурируя, он выделяет из потока жизни конфигурацию фактов, придавая им статус уникальных событий и выстраивает картину мира рассказчика. Сюжет – основной композиционный прием нарратива – требует соединения разрозненных элементов, впечатлений и смыслов в определенную форму. Таким образом, построение автобиографического сюжета можно рассматривать как особую форму рефлексии, а не композиционный прием. Однако автобиография не только организует в целое отдельные события и факты, но и формирует конструкцию, объясняющую эти связи, таким образом осмысляя опыт с точки зрения причин и целей. Опираясь на ценностные структуры личности, автобиография утверждает представления человека о том, что является существенным, значимым и должным, транслирует его понимание «хорошей жизни»³⁵. Крайне важно то, что автобиография всегда предполагает наличие слушателя,

адресата сообщения, для организации восприятия которого и выстраивается сложная языковая форма. Именно благодаря рассказу о своей жизни личные смыслы и ценности «вбрасываются» и закрепляются в общекультурном поле. Специфика автобиографического нарратива как инструмента смыслоосознания заключается в том, что найденный смысл принципиально интерсубъективен. Автобиографический нарратив, соответствующий требованиям к рассказу как носителю чего-то необычного, идущего вразрез с ожидаемым, всегда допускает некоторую оппозицию по отношению к мета-нарративам, определяющим жизнь социума. Таким образом, автобиографию можно рассматривать как важнейшее для культуры средство обновления и развития. Можно предположить, что научный интерес к автобиографиям будет продолжать расти, ведь «выживание в мире смыслов и значений было бы проблематичным, не будь у нас способности сочинять и интерпретировать истории о переплетениях человеческих жизней»³⁶.

³⁵ Brockmeier J. From the end to the beginning. Retrospective teleology in autobiography // Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture. Amsterdam: John Benjamins, 2001.

³⁶ Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология, 2004, 1, 6–28.

